

служить людямъ тѣми талантами и образованіемъ, которые я пріобрѣлъ 40-лѣтнимъ упражненіемъ... Я, собственно, спрашивалъ себя: какъ мнѣ, хорошему писателю, пріобрѣвшему столько знаній и талантовъ, употребить ихъ на пользу людямъ?» Гдѣ, въ чёмъ здѣсь, въ такой постановкѣ вопроса, и какая *неправильность* — это можетъ лишь видѣть бичующій себя уже во всемъ человѣкъ, жаждущій мученичества, микроскопически разматривающій «вшей» прошлой жизни.

«Вопросъ же, продолжаетъ гр. Толстой, надо было поставить такъ: что мнѣ, проведшему, по несчастію моихъ условій, лучшіе учебные годы моей жизни въ праздныхъ и развращающихъ душу занятіяхъ (въ изученіи, вмѣсто пріученія себя къ труду, грамматики, географіи, стиховъ, повѣстей и романовъ, французского языка, фортепьянной игры и военныхъ упражненій), что мнѣ дѣлать, чтобы отплатить тѣмъ людямъ, которые во все это время кормили и одѣвали меня?...» Вопросъ, собственно говоря, поставленъ тотъ-же; — если гр. Толстой думаетъ, что онъ поставленъ *иначе*, то это лишь — вслѣдствіе включенія въ него «бичевательнаго» элемента... «Если бы, заключаетъ онъ, вопросъ этотъ стоялъ такъ, какъ онъ стоитъ передо мною теперь: что мнѣ дѣлать, такому испорченному человѣку? то отвѣтъ былъ бы ясенъ: стараться прежде всего честно кормиться, т. е. выучиться не жить на шеѣ, другихъ, а, выучившись, при всякомъ случаѣ приносить пользу людямъ и руками, и ногами, и мозгами, и сердцемъ...» Да вѣтъ *этотъ же самый* отвѣтъ требовался и на вопросъ «хорошихъ молодыхъ людей»!

VI.

Мы уже говорили о привычкѣ гр. Толстого *объективировать* каждый отдельный моментъ *собственнаго развитія*, каждую крайность и противорѣчіе, на которыхъ за-